

А.П. Яркв

Тюменский государственный университет

ПРАВО В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ МУСУЛЬМАН СИБИРИ

Проблема отношения принявших ислам сибиряков к догматике и ритуалам во многом зависела от особенностей бытования этой религии: вдали от признанных центров Поволжья и Средней Азии (но вблизи от оставшихся «язычниками» угров и самодийцев), природных условий (где затруднено совершение намаза при короткой ночи в приполярных условиях), и т. д.

Включение местных мусульман в российское правовое поле проходило в общем тренде отношения к «иноверцам», где ислам до 1552 г. – «религия иностранцев», а в 1552–1778 гг. – «чуждая и враждебная религия инородцев». Одновременно заметим: в грамоте митрополиту Павлу (1685) уже предписывалась осторожность при обращении в православие. Если же новокрещёные оказались в зависимости у татар или бухарцев, то их требовали освободить. Стоит признать, что акт крещения не означал одновременного отказа от прежних образов «своего», а исламская культура много шире религиозного контекста (хотя им и подпитывалась).

Исходя из своего правового положения в государстве, Православная Церковь активизировала крещение, в т.ч. насильственное. Бывали и случаи, когда суды становились на сторону мусульман. Так, когда в 1720-х гг. стало вводиться юридическое оформление поземельного права, то принимались во внимания сачара (рукописи о родословии) – как подтверждающее право «иноверцев» на родовую территорию.

Между тем, у сибирских мусульман выстраивалась симбиозная система, о чём И.Н. Юшков привёл конкретные примеры из судопроизводства сибирских татар и бухарцев, а в заключении написал: «Мы указали на главнейшие положения общественной жизни татар, занятые ими большею частью из преданий первых истолкователей Корана. Некоторые из этих положение, как, например, о браках, супружеских распрях, о взаимных договорах и о правах наследства, сохраняются сибирскими татарами и до настоящего времени» [6].

Исламское право, будучи прецедентным, дистанцировалось от норм, характерных для других регионов, но не противоречило общей логике и догматике религии. Эти принципы действовали как на уровне богословия (пять «корней» веры – усул ад-дин), так и в социальной практике (пять «столпов», или предписаний ислама, обязанности – аркан ал-ислам, ал-фара`ид), которые внедряли в сознание масс пришлые бухарцы, занимавшие заметное положение в умме.

Процесс «суверенизации» сибирского варианта исповедания связан с появлением собственных кадров. Рождённые в местных условиях произведения литературы догматического и общекультурного содержания свидетельствует, что термин «край света» для живущих здесь неприемлем. Они чувствовали себя «полноценными мусульманами», хотя хадж затруднён, а вакуф долгое время неизвестен. Выполняя свою функцию, исламское право развивалось не государственной властью, а в частном порядке – алимами, занятыми возвращением знатоков шариата, как правило, в мектебе (до 1880-х гг. в империи все назывались медресе / мадраса).

В основном общины действовал и в сельской местности среди тюрков, постепенно консолидированных в сибирских татар (упоминания в источниках с 1720-х гг.). Бухарцы и ташкентцы предпочитали жить отдельными селениями или слободами, по большей части занимаясь торговлей, ремеслом, скотоводством и, по особому разрешению, земледелием. Именно они сыграли значительную роль в укреплении позиций ислама в регионе. Процесс оседания и, сопутствующего, принятия ислама тюрками продолжился, хотя царская власть и препятствовала. Но он обусловлен внешними факторами, среди которых важное место заняли утверждающиеся ценности ислама и миграция.

Система взаимоотношений государства и верующих прошла эволюцию – от гарантирования прав до юридического признания и сотрудничества с религиозными институтами [2]. Их со временем поставили на службу Российского государства: с 1778 г. ислам стал «терпимым». Тогда же были введены институты, не предусмотренные канонами – Оренбургское Духовное Собрание мусульман и указных мулл, встроенных во взаимоотношения местных органов власти и общин.

Удалённость ОДМС (чьи позиции зачастую были идеализированы и отдалены от реальности) привела к тому, что местные власти в отношении мусульман на имперской окраине нарушали некоторые правила. Проведённая в 1819–1821 гг. ревизия вскрыла в Сибири буйный разгул чиновничьего, полицейского самовластия и деспотизма (сама система подталкивала к взяткам и самодурству – до 1764 г. чиновники вообще не получали жалования). Это подвигло сначала бывшего сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского, а затем и петербургскую власть к разработке Уставов 1822 г., один из которых посвящён вопросам управления: создавались инородческие волости, во главе которых было поставлено выборное лицо из мусульман. Это позволяло перевести некоторые дела на уровень волостных старшин, вершивших правосудие с учётом адата и норм шариата (если это устраивало всех участников процесса).

Власть мало обращала внимание на соблюдение правовых норм внутри уммы, иногда страдавшей от произвола нравственно нечистоплотных казыев (знатоков исламского права), улемов (богословов), имамов. Такие встречались: Махди бен Сайдек, обвинённый во взятке, ушел в отставку с поста мухтасиба (главы местного духовного управления), но самовольно вернулся, чтобы жениться на пригланувшихся женщинах. Он, якобы, специально разводил их с мужьями, обвинив последних в неверии; присваивал семейное имущество.

При разборе конкретных обстоятельств применялось положение закона 1826 г. [5]. Законы о состояниях отразились в правилах ведения метрических книг для мусульман.

В иных случаях в дело вступал совестный суд. Например, в 1852 г. между имамами Семипалатинска Ф. Мухаммедьяровым и З. Абдулмевым разгорелся спор о вмешательстве в дела общин. ОМДС и губернское начальство не владели точной информацией, и только на собрании почётных граждан и старейшин двух общин, принято решение тяжбу прекратить. С этим согласились и власти.

Поиск компромисса между субъектами права сложен: сибирские власти, по мнению П.П. Семёнова-Тян-Шанского: «...делали очень крупную ошибку, прививая усиленно и искусственно мусульманство к не вполне утратившими свои древние шаманские верования и ещё мало

проникнутым учениям Магомета киргизам и снабжая их султанов и их аулы татарскими муллами из Казани». Заблуждался в оценках и Ч.Ч. Валиханов – внук прорусски ориентированного хана Аблая. Он знаком с детства с догматикой ислама: закончил мектебе. Во время учёбы в Омске в кадетском корпусе и в общении с российскими интеллектуалами Ч.Ч. Валиханов проникся идеями областничества.

Параметры интеграции в сибирском пространстве определялись средой и законодательством, но оно ограничило нормы применения адата и шариата. Власть и Православная Церковь по-прежнему желали обратить в ислам (но добровольно) мусульман и «язычников». Была создана, например, Алтайская православная духовная миссия. И чем крупнее становилось казахское сообщество на Алтае, тем сильнее велась христианизация, в правовом отношении ничем не ограниченная.

Многое зависело от личности. Лидерами уммы являлись имамы и купцы, где первые обладали авторитетом и знаниями, а вторые – финансами. Такими были Сейдуковы в ю. Ембаевских, С. Махмутов в Новониколаевске. Благотворители по собственному желанию осуществляли культурные проекты (например, создавая библиотеки). Впрочем, остались конфронтационно настроенные люди – как к власти, так и к единоверцам – сторонникам модернизации.

Долгое время задачами приходов оставалась аккумуляция средств для проектов в области образования, просвещения, здравоохранения. Но главной оставалось устройство мечетей, на что власти шли не охотно. Между решениями о выделении земли до закладки первого камня проходили годы. Тем не менее, в начале XX в. каменные Соборные мечети появились в Тюмени, Тобольске, и др.

Признанный как религиозный и общественный лидер на российском и международном уровне, А.Г. Ибрагимов в 1898 и 1902 гг. получил право на избрание гласным в городскую думу г. Тары [7, с. 65]. Насколько возможно, он отстаивал их интересы, но некоторые проблемы оказались гораздо крупнее местных масштабов и сложнее – из-за политических ограничений.

«Разрыв» правовой и культурной традиции попытались преодолеть в 1905–1906 гг., а советская власть лишь завершила его, отделив религиозные институты от государственных. В декабре 1917 г. СНК об-

ратился с воззванием «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», где провозгласил: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными».

Отмена сословий и титулов, отделение религии от государства и школы от религии, объявленное гендерное равенство, носили общедемократический характер. Так, декрет о гражданском браке, о детях и о ведении актов состояния от 19.12.1917 г. признал недействительными религиозные браки, фактически выведя из правовых норм многоженство для мусульман. Но оно реально оставалось среди тех, кто придерживался этой нормы до революции.

Принятые декреты в Азиатской части страны фактически не реализовались, а то и вообще оказались неизвестными из-за Гражданской войны и отсутствия связей с Москвой, где новые принципы юридических отношений, как и место религии в жизни общества, определены Конституцией. Но и пришедшее к власти в г. Омске Российское правительство А.В. Колчака не смогло ничего изменить. А в отзыве на проект о НКА Глава ведомства исповеданий в 1919 г. П.А. Прокошев написал: «национально-культурная автономия ... есть наиболее последовательное с точки зрения правового государства разрешение национального вопроса», но её мусульманский вариант представляет «юридическую несообразность и несоответствие своему названию» и «противоречит не только основным признакам культурно-национальной автономии, но и автономии территориальной, так как предполагает управление мусульман как нечто совершенно независимое от центральной государственной власти» [3, с. 302].

Особый вопрос – о неправомерности призыва к джихаду, которым попытались воспользоваться в борьбе с большевиками имамы, поддерживавшие Всероссийское правительство А.В. Колчака. На неправомерность этого призыва указал улем и, одновременно, политический деятель из Томска Н.М. Карпов, подчеркнув: «Возбуждать в мусульманском населении движение в пользу объявления священной войны опасно, ибо может привести к весьма печальным результатам, имея в виду, что мусульманское население очень религиозно и фанатично». Тезис о фанатичности по отношению ко всем мусульманам Сибири спо-

рен, поскольку они больше отличались индифферентностью, хотя, безусловно, о джихаде местная умма имела представление.

После восстановления в Сибири советской власти ислам (его институты) стал «временным союзником» большевикам в деле противостояния более «опасной» тогда противнице – Православной Церкви. В ряде мест властью сохранялись даже шариатские суды и вакуфы, признавались браки, заключённые «во времена правления белых». Но декрет о гражданском браке, о детях и о ведении актов состояния (19.12.1917 г.) признал недействительными религиозные браки, фактически выведя из правовых норм многоженство. Между тем, оно реально оставалось среди тех, кто придерживался её до революции, о чём поведал описанный в начале статьи случай. Для коммуниста Айтбаева правовой вопрос усложнялся нравственными муками – наличием детей от обеих жен.

Причины участия мусульман в Западно-Сибирском восстании 1921 г. власти объясняли их невежеством, политической несознательностью, а иногда прямой правовой, имущественной, духовной зависимостью от элиты. Между тем, явная или скрытая борьба против власти оказались частью общего (а не этнически или конфессионально избирательного) сопротивления диктатуре.

Напуганные волнениями, партия большевиков и органы советской власти затем стали вести более осторожную политику, создавая учреждения, ориентированные на мусульман по происхождению и убеждению, подчёркивая это даже через наименования местных комячеек и властных структур: возникли «мусульманские» детсады, детдома, школы, клубы, техникумы. Несмотря на название, они уже не имели религиозного характера, оставаясь «вывеской».

На государственном уровне служители всех конфессий, а не только мусульмане, были лишены гражданских прав. Так, известно, что среди новосибирских «лишенцев» в конце 1920-х гг. мусульман – 1,7% [1, с. 291].

С 1929 г. ещё больше ужесточился контроль за соблюдением законодательства о религиозных культах, что привело к уменьшению числа приходов и закрытию мечетей и молитвенных домов. Нередко суды, вынося приговоры, руководствовались ст. 120 УК РСФСР, отнеся всех

служителей культа к совершающим обманные действия – мошенникам. Безусловно, нечистоплотные служители культа существовали (что отражено в фольклоре сибирских мусульман), но основная масса – порядочные люди, которым доверяла не только прежняя – царская власть, но и общины, их выдвигавшие для занятия должности.

Конституция СССР 1936 г. формально продекларировала право на свободу совести. Оно должно было юридически оградить и защитить интересы всех верующих от возможных неправомерных покушений со стороны государства, его органов и должностных лиц. По сути это было вариантом веротерпимости – при условии проявляемой верующими и их духовными пасторами политической лояльности. И это давало надежды. Более того, вдохновлённый ими мулла М. Айнуллин утверждал: «...новая Конституция ... разрешает религии и можно открывать мечети и без страха, можно устраивать богослужения. Надо развернуть пропаганду по Корану» [4, с. 16]. Надежды не оправдались, а за права мусульман «взялось» НКВД...

Репрессии обрушили многие институты, как и отношение к ним со стороны властей. Институты ислама (общины, уже неформальные; муллы, уже преимущественно «бродячие»; книги (уже самостоятельно переписываемые) заново конструировались, но некоторые обстоятельства усложнялись. Например, из-за дальности общин от ДУМ ЕС (преемника ОМДС), призванного защищать интересы верующих, но реально не имеющих возможностей их даже наблюдать и проанализировать вблизи.

Великая Отечественная война изменила многие позиции власти по отношению к верующим. С 1943 г. ситуация с соблюдением Конституции стала существенно улучшаться, но ненадолго...

С середины 1950-х гг. юридическая практика вновь характеризовалась усилением атеистической составной – в контексте объявленного лидерами государства «перехода к строительству коммунизма». Власти предприняли и попытку административного наступления на права верующих, закрывая недавно открытые мечети и молитвенные залы, ограничивая проведение ритуалов. Заметим, при этом власти «закрывали глаза» на очевидное: проведение сунната и наречение мусульман-

скими именами, похороны с соблюдением обрядов даже тех, кто был при жизни активным коммунистом.

Фактически население и без служителей культа и вне мечетей удовлетворяло духовные потребности, придерживаясь обрядности в связи с рождением детей, свадьбами, похоронами, поддерживая традиции адатного ислама, а кладбища и астана (хотя богослужения под открытым небом законодательно запрещали) оставались сакральными центрами, где не надо скрывать принадлежность.

Изменение структуры уммы связано с активизацией с 1960-х гг. миграционных процессов, когда освоение природных ископаемых, создание новых промышленных и аграрных комплексов перераспределяло трудовые ресурсы через плановую или инициативную миграцию, изменив соотношения этносов, горожан и сельчан, активизировав интеграционные и ассимиляционные процессы, нередко приводя к утрате самобытности. Тогда и обострились проблемы соотношения традиций: не всеми мусульманами отмечаемый день рождения пророка Мухаммада у коренных сибиряков приобрел ещё более широкое значение, оставив след в культуре.

Лишь в 1970-е гг. органы власти и КПСС вынуждено уступили общемировым нормам, но хотели по-прежнему регулировать сферы жизни. Принятый в 1990 г. закон «О свободе совести и религиозных организаций», вернул право на исповедание религии, но не предусмотрел ограничения на деятельность организаций и групп, использовавших ситуацию в политических целях.

Самоидентификация мусульман определялась: политическими событиями и личным «ответом» (рефлексией) на них; состоянием и устремлениям общества («закрытом» – традиционным или «открытым»); этнокультурным окружением; местом проявления идентичности (место работы или учёбы, мечеть, национально-культурные объединения и их мероприятия); межэтническими браками и межпоколенным разрывом; уровнем толерантности в социуме и в СМИ. К тому же на рубеже 1980–1990-х гг. наступил период открытой легализации (реставрации) этнических и религиозных ценностей, которые иногда воспринимались (и воспринимаются) синонимично.

Упразднение ограничений в правах вызвали сложные процессы. Так, стремление к обретению духовной и социальной стабильности привело атеистов к религии предков (в т.ч. ислам), либо в новые конфессии. С другой стороны, число зарегистрированных госорганами общин или групп верующих стремительно росло. Часть из них появилась в ходе миграции (вынужденной, внешней, внешней трудовой, незаконной и внутренней) людей, воспитанных на «мусульманских» территориях: а) из соседних регионов; б) из бывших союзных республик; в) из других субъектов РФ. В результате начали формироваться крупные группы мигрантов, меняя культурный ландшафт и самооценку, особенно у молодых, не имеющих советского прошлого. Они уже не были частью большой страны, а стали элементами диаспор.

Понятия традиционный ислам (т.е. традиционное для многих российских мусульман понимание ислама) и ваххабизм вошли в оборот у верующих, хотя не всегда его верно классифицируя, тем самым ещё более (нежели в административном плане) раскалывая умму. Отсутствие диалога – одна из причин её затяжного кризиса. Между тем как основополагающий признак современного культурного пространства – именно диалог (через людей) светского государства и религиозных объединений.

Имелись различия в законодательстве отдельных сибирских субъектов РФ. Так, в 1996 г. Концепцией государственно-церковных отношений в Республике Бурятия закреплена система разделения религий на традиционные и нетрадиционные (среди которых там был назван ислам, признанный в целом по стране традиционной).

Некоторые из запрещаемых в России с 2003 г. организаций, движений и партий отечественного и зарубежного происхождения пытались и на территории сибирского региона отрицать сложившуюся правовую культуру, призывали к всеобщей исламизации, имели намерение изменить государственный строй.

Подводя итог, необходимо признать: традиции предков (а тем более в традиционном обществе) невозможно искоренить, но и родившиеся правовые коллизии нуждались в их разрешении. Сама же правовая культура мусульман Сибири зависела от дисперсности или компактности их проживания, характеристики воспроизводства общества на

разных этапах, уровня правовых знаний и изменений в государственно-конфессиональных отношениях.

Библиографический список

1. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Т. 2. [Текст]. – Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. – 808 с.
2. Маннуров, Ш.Ф. Агымсуларга карап [Текст] / Ш. Маннуров. – Казан, 1974. – 24 б.
3. Нам, И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.) [Текст] / И.В. Нам. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2009. – 500 с.
4. Осавелюк, А.М. Конституция дореволюционной России и этапы ее развития [Текст] / А.М. Осавелюк // Актуальные проблемы государственного управления: сб. науч. тр. / под общ. ред. С.Н. Бабурина. – М.: Изд-во РГТЭУ, 2010. – 230 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 1. [Текст]. – СПб., 1830. – 540 с.
6. Юшков, И.Н. Сибирские татары [Текст] / И.Н. Юшков // Тобол. губ. ведомости / редакционный корпус: антология тобольской журналистики конца XIX–начала XX в. / сост., вступ. ст. Ю.Л. Мандрики. – Тюмень: Изд-во Мандр и К°, 2004. – 34 с.
7. Ярков, А.П. Права мусульман: правовое и неправовое регулирование (региональный аспект в историческом контексте) [Текст] / А.П. Ярков // сб. докл. восьмой конф. «Онтология и аксиология права». – Омск, 2017. – С. 63–67.